

VII.

И снова снится желтый огонек. — Окна и люди. — Трактир «На краю света». Продавец снов

Падая, он вновь увидел тот же тягостный, жуткий сон. Желтый огонек в черепе мерцает неверным светом. Освещает огонек только себя да золотистый ореол пыли вокруг. Брок мерещится. будто он, сверявшись клубком, спрятав голову в коленях, лежит в сыром, промозглом бараке. Он откидывает с лица серый балахон, глаза привыкают к темноте: словно сквозь дымку видны перекрещивающиеся над головой, покрытые трещинами балки. А на висячей площадке, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться, на правом боку лежат люди. Но он — уже не звено этой цепи, он лежит напротив, у разбитого окна, подернутого бельмом инея. Ему холодно. Поэтому он снова натягивает балахон, снова сворачивается клубком, кутаясь в темноту, которая может означать и ночь, и день...

Петр Брок очнулся от резкого толчка, открыл глаза — и в ту же секунду мучительное видение исчезло. Как долго он спал? Он встал с пола и, сразу же вспомнил вчерашний день, судорожно ухватился за железную решетку клетки словно желая в этой реальности спастись от страшного сна с желтым огоньком в пустом черепе. Будущее — вот что отчаянно его влекло, он еще раз поздравил себя с тем, что невидим, и выскочил из клетки.

Пройдя коридор, Брок поднялся по лестнице, открыл железную калитку и... очутился на улице. Два ряда домов, магазины, тротуары. Недоставало лишь одной весьма существенной детали, даром что на нее, как правило, не обращают внимания, — неба. Вместо неба высоко над головой виднелся романский свод, отлитый из цельного стекла. Под ним, как солнце в зените, ослепительно сиял огромный белый шар.

Окна и люди. Бесконечные вереницы окон и людей... Окна безмолвные и орущие, перепуганные и плачущие, таинственные и зевающие от скуки — окна, окна, окна. Они подмигивают, манят, хохочут, грустят. А подними толпа. Яркая, бурлящая, суматошная толпа. Все племена и народы смешались в этом круговороте, меняются цвета одежды, лиц, глаз, волос, тысячеустый гомон гулко разносится вокруг, словно разом играют все трубы органа.

Брок у мнится, что эти суетливые и кричащие люди, как фальшивое небо и солнце над головой, неправдоподобны, не реальны, призрачны. Щеки мужчин либо гладко выбриты. либо украшены бородами самых причудливых форм, но Брок не может отделаться от впечатления, что бороды боль шей частью не настоящие, а приклеенные. Одни слишком уж нарочито веселятся и бессмысленно хохочут. Другие куда-то торопятся, озабоченные и испуганные. Вон китаец крадется под окнами, кого-то выслеживая. Чуть дальше мелькает физиономия преступника с черной повязкой на глазу. За прикрытой дверью прозвучал выстрел, но никто даже не обернулся. Пошатываясь, бредет матрос в черно-желтой безрукавке, с лицом, изъеденным оспой, горланит пьяную песню. Три полуголых типа в черных масках и с ножами за поясом нагло вышагивают посередине улицы. Прохожие шарахаются в стороны, уступая им дорогу. Тянется гуськом процессия фиолетовых балахонов с круглыми дырами в капюшонах. Щерятся в ухмылке желтые окна дансинга. «Ля-ла-лолу», — рассуждает о чем-то японка. Волосы ее сколоты шпилькой в виде пронзенного кинжалом черного сердца. Она семенит рядом с апашем и смеется, когда он подставляет ножку слепым старикам. Губы у нее ярко накрашены. Вот ее дружок пнул безногого нищего, и тот свалился в канаву.

Черная реклама кричит:

ПРОДАЖА АЛМАЗОВ И УГЛЯ

Сипло надрывается торгаш:

Таблетки «ОВА» — лучшие в мире!

Черно— зеленый вымпел:

Трактор «На краю света»

Открывается окошко:

ОТЧАЯВШИЕСЯ!

Покупайте «Коку»!

Окрашиваем серые дни в розовый цвет!

Трус станет героем!

Побежденный — победителем!

Сизые маски пудры на женских лицах. Белый выскерк зубов, черные квадраты окон. На углу, под кровавой каплей-лампочкой, женщина вкрадчивыми словами и бесстыдными жестами дает понять, что она и продавец, и лавка, и товар в одном лице:

*«Спешите, юноши и старцы!
Прежде чем пройти мимо,
Бросьте взгляд на мое лицо!
Обратите внимание на мои волосы,
Оцените цвет моих глаз!
Попробуйте, как упруги мои груди, — за это я денег не беру...
Коснитесь моих ног
— Они тверды, как рельсы, по которым мчится страсть!
Я вся горю, За восемь аргентов я замучаю вас своей любовью!»*

А напротив, возле шаткого столика с массой коробочек, крикун с раздвоенной рыжей бородкой надсаживается перед зеваками:

Купите сны — полная гарантия на всю ночь!

«Золотые сны. На одну ночь вы станете миллионером! Купите мой „Златосон“, он охраняется законом! Один порошок „АГА“ перед сном гарантирует ночь любви с

поцелуями и объятиями. Способ употребления...»

**Фирменный товар — розовые сны. Однажды попробуете -
придете снова! Безвредность гарантируется.**

**Хотите побывать в заморских краях? Увидеть пальмы, караваны, дикарей,
тигров и обезьян? Купите порошок «Экзотик»!**

Если уснете с таблеткой «Аро» на языке — аэроплан помчит вас к Солнцу.

**Хотите изведать, что такое ураган?
Одна пилюлька «ОРА» — и ночью вы в безопасности переживете его в
постели.**

**Вы боитесь лететь к звездам?
Или у вас — нет средств?
Сны о звездах заменят вам это приключение. Купите мой «Звездосон», всего пять
аргентов, и он ваш!
Не забудьте обратить внимание на фирменную марку!**

Гигантские вывески, скачущие неоновые картинки, способные довести до безумия, реклама на флагах, на стенах, на окнах, на дверях, на спинах и лицах людей. Отовсюду на Брока обрушивались эти вопли-призывы из бумаги и красок, из стекла и человеческих голосов. Он уже довольно долго шел вперед, никому не уступая дороги, и искренне забавлялся, когда ничего не подозревающие пешеходы налетали на него и отскакивали в сторону с гримасой испуга и удивления на лице. Улица, уводя Брока за собой, постепенно заворачивала направо.

Как— то вдруг он сообразил, что движется по кругу и вышел на то же место, откупа начал свой путь. Только теперь он заметил, что от этой главной кольцевой магистрали внутрь круга отходят кривые, узкие улочки, куда капля по капле стекает толпа. Жестяные стены здешних домов изъедены ржавчиной от вечной сырости, окна забраны выпуклыми решетками. Некоторые улочки настолько тесны, что, расставив руки, можно ладонями коснуться противоположных домов. Металлические стены зданий в этих улочках-ущельях иногда почти смыкаются, так что пройти можно лишь боком, втянув живот.

VIII.

**Коммерция на Тигровой улице. Гостиница «Эль-дорадо». — Избранное общество в
сборе. — Революция в Муллер-доме**

Петр Брок свернул в одну из таких боковых улочек. Стекланную мостовую покрывала высохшая короста грязи. Некоторые плитки не то потрескались, не то были разбиты, и сквозь них пробивался свет. В одно из таких окошек в полу Брок увидел, что внизу, под ним, тоже шумит толпа, сверкают-переливаются краски и зазывно кричат торговцы.

Улочка, по которой он шагал, сплошь пестрела диковинными надписями, правда не

столь яркими и навязчивыми. Чем меньше и скромнее вывеска, тем известнее и солиднее фирма. Замызганная визитная карточка, припиленная к двери, эмалированная, величиной с ладонь, табличка в окне. Это были не громогласные призывы, а скорее таинственное нашептывание...

Опиум — лучший сорт!

Здесь живет гипнотизер!

Арпаг Мерль — алхимик

ИММА — СМЕРТЬ БЕЗ БОЛИ!

Эликсир Р-А продлит вашу жизнь насколько пожелаете!

Фр. ИПС — фальшивые векселя

Подписи

ПОДДЕЛКА БАНКНОТОВ

МАГИЯ

ЧУДЕСА

ШАНДОР, ШАБАТ!

Джо Мина — мелкое воровство, карманные кражи и проч. — незаметно!!

КАПЛИ ВЕЧНОГО ЗАБВЕНИЯ!

Джентельмены! Покупайте только ЛУЧИ Г!

Шварц и К о производим уууууу

Ко-Сон-Ма

Похищения!

За стеклом среди пузырьков и флаконов мелькает объявление:

ПРОДАВЕЦ ЯДОВ !

На ржавой стене надпись мелом:

Гарпона пускает кровь в любое время суток!

Конфе(и)де(н)циально!

Дальше, на обломке доски, кривятся неуклюжие каракули:

Чулков (сумашествие)

В темном переулке от стены к стене протянута проволока, на ней — табличка с нарисованным кинжалом и надписью:

ВНИМАНИЕ, могут ударить в спину! Ниша слева!!!

Чуть поодаль висит над дверь покоробленный щит. Буквы на нем корявые, будто писал пьяный, окунув пальцы в грязную жижу:

ГоСтИНИЦА «ЭЛЬДОРАДО»

Брок решил заглянуть в эту сомнительную гостиницу. Во-первых, он устал, во-вторых, хотел поближе рассмотреть весь этот сброд, который тут бывает. Он вошел в темный вестибюль. Пахло мышами, грязным бельем и еще чем-то тошнотворным. Из вестибюля дверь вела в просторное, крикливо и пестро покрашенное помещение вводе бара. В потолке виднелась выпуклая стеклянная линза, назначения которой Брок понять не сумел.

За круглым столом посреди комнаты — ни одного свободного места. Однако разглядывать сидящих было недосуг, ибо кто-то из них произнес слово «революция», а слово это бьет по нервам не меньше, чем по глазам — вид крови!

— Революция! — выкрикнул человек с раздвоенной черной бородой. — В производственной зоне взбунтовались рабы! Восстанием охвачены уже восемьдесят этажей! Началось все на фабрике, выпускающей таблетки «Омега». Предводитель рабов, некий Витек из Витковиц, предал нашего Великого Муллера. Он втайне подготовил мятеж и объявил теперь, что освободит наш мир от Муллера.

Он хочет отдать власть рабам, а аристократов из нижних зон заставить работать у станков и в шахтах. К фабрике «Омега» присоединились химический завод — тысяча

девятьсот восемьдесят человек, монетный двор — двести шестьдесят, литейная — четыреста, завод по переработке газа — пять тысяч триста восемьдесят, ликерный завод — двести пятьдесят человек. Они уже пробились к Городу Мрака и привлекли его население на свою сторону лозунгом Республики, где слепые будут иметь якобы равные со всеми права. Они намерены сформировать из слепых передовые отряды, устрашающие и несокрушимые, как скала. Если мятежники войдут в Город Мрака, то существует опасность, что они распахнут двери тюрем верхней зоны. Но еще хуже, что они проникают и вниз, уничтожая машины и оборудование. На этажах с семисотого по шестьсот девяностый они разгромили конторские помещения и теперь приближаются к шестьсот восьмидесятому этажу, где расположены склады. Таким образом, от основных хранилищ их пока отделяют шестьдесят этажей. Конечно, им нелегко пробиваться сквозь твердые потолки из солиевого бетона. Лифты, к счастью, не работают: электростанции находятся в первой зоне, и ток был отключен. Главная лестница перекрыта баррикадами, которых рабам с их примитивным вооружением не взять и за полгода,

Наш великий Муллер не желает обогреть руки их кровью, хотя мог бы разом всех уничтожить. Считает, что можно уладить дело без кровопролития. Потому и послал меня к вам, в Вест-Вестер, нанять специалистов. Речь вот о чем: надо незаметно вкрасься в ряды бунтовщиков и нанести удар революции в спину — сломить их единство и прежде всего убрать Витека из Витковиц, сердце и мозг восстания. Попытка подкупить его потерпела неудачу...

IX.

Гарпона. — Мастер Перкер — яды. — Сыворотка КАВАЙ. — Газ СИО. — Линзы на висках слепого

— Может быть, ножом? — спросил неуклюжий детина, которого звали Гарпоной. Рук у него не было, и он все делал ногами.

— Я же сказал, благородный Муллер не желает кровопролития!

— У меня припасены надежные яды... — забормотал человек с массивным багровым носом, который занимал больше чем пол-лица и, как показалось Броку, еще продолжал зреть и набухать. — Товар надежный, испытанный, не подкачает. Операцию проведу лично, успех гарантирую. Хотите — он умрет от сердечного приступа. Капля яда "У" парализует его мозг. Одно ваше слово — и он погибнет от рака, вызванного ядом "И". Есть у меня и сигары "О"! А миллиграмм яда "Е" в стакане молока...

— Я берусь только за крупные дела, — низким басом перебил носатого слепец. У него были защиты веки, отчего лицо казалось до жути спокойным, а на висках были прикреплены металлические коробочки, в которых искрились две мощные линзы, словно глаза хищной птицы. — Если уж душить революцию, то с помощью моих бацилл... Кстати, Великий Муллер знает меня...

— До рабов тоже дойдет черед, — ответил посланец, — но сначала нужно убрать Витека! Без убийства, понятно? Телом пусть живет, а вот душой... Душу надо истребить! Душу либо рассудок!

— Впрыснуть ему в мозг сыворотку КАВАЙ — мигом сойдет с ума... — посоветовал низенький с двумя горбами на спине.

— А если вдохнет газ СИО, то за одну ночь состарится, — вступил в разговор дряхлый, трясущийся, совершенно лысый старикашка, — и остаток дней будет медленно угасать от мааразма. Баллончик можно незаметно подбросить в спальню — это ведь игрушка, резиновый мячик, закатится куда-нибудь и...

— Лучший нож, лучший яд, лучшая сыворотка и лучший газ — это глаза! — негромко, но внушительно произнес желтолицый человек, глаза у него были круглые,

черные, с белыми, словно раскаленными квадратиками зрачков.

— Ладно, — вербовщик вынул блокнот, — я вас запишу, Гарпона — нож. Перкер — яды. Шварц — СИО. Орсаг — бациллы. Мак Досс — гипноз. Чулков — КАВАЙ! Придете завтра на Оранжевую улицу, дом восемь, этаж двести семьдесят четыре. Аэролифт доставит вас на вершину Муллер-дома, а оттуда вам нетрудно будет пробраться к самому сердцу революции, в гущу этого сброда, и смешаться с ним... Добьетесь успеха, и Великий Муллер вас наградит.

— Черт подери! — взревел после ухода вербовщика безрукий убийца. — Еще чего не хватало! Чтоб я совал свой нож в навозную кучу!

Он беспрестанно шевелил ногами под столом, потом вдруг вскинул их на стол, ступней вытер со лба пот и звучно щелкнул пальцами.

— От тебя, браток, за версту кровью несет, — буркнул отравитель и со вкусом высморкался на пол. Лишь после этого он вытер свой омерзительный нос красным платком. — Вот мы чисто работаем... рук не мараем...

— А я что, разве только ножом работаю? — огрызнулся убийца. — Набавь еще двадцать мулلدоров, и я любого удавлю, руки-то у меня как у невесты...

Он сбросил под столом тапочки и в доказательство пошевелил длинными беглыми пальцами ног.

— Оба мы, браток, мелюзга, — вздохнул продавец ядов, — а вот мастеру Орсагу есть что сказать! Он своими бациллами целую армию шахтеров накормил...

Слепой не счел нужным ответить. Но когда повернулся к носатому, линзы на его висках зловеще блеснули.

— А вы, мастер Шварц, -теперь отравитель донимал дряхлого, лысого старикашку, — много ли вы уже народу состарили?

— Я работаю внизу, среди тех, у кого водятся денежки, — прошамкал голыми деснами беззубый Шварц. — Вот только что пристроил одно приспособленье на восьмом этаже второй зоны — в спальне молодого Герела, сына того самого знаменитого ростовщика. Ну, который продал Муллеру Аляску и африканские колонии. Адрия, его племянница, хочет поскорее получить наследство. Через недельку молодой Герел будет старше своего папаша. Сэр Мору, крупнейший держатель акций концерна «Вселенная», стареет с каждым днем.

— Это тоже твоих рук дело? — удивился носатый. — Говорят, он сильно обеспокоен.

— Еще бы... Его акции перейдут к человеку, имени которого я не открою. По моему, я больше всех сделал для благодетеля и повелителя нашего...

— Не знаю, что ты имеешь в виду, говоря «больше всех», дорогой мой Шварц, — отозвался горбун и повернулся к человеку с горящими глазами. — Мак Досс, наш профессор-гипнотизер, — новичок в этом обществе и еще не слышал моей истории... Ме-е-е... Не будь меня, сидеть бы сегодня нашему добрейшему Отцу и Повелителю на мели!

Х.

Астроном Галио, властелин звезд. — Первый космический корабль. Звездный голод Муллера. — Как Галио стал гигантским нулем. — Сударь Чулков, король 50 000 звезд

Горбун поднял два пальца вверх, к выпуклому иллюминатору в потолке.

— Пусть Он подтвердит, что я говорю правду, если в этот миг изволит наблюдать за своими смиренными слугами. Я избавил Его от недруга, который бы до последней капли выкачал тот дивный сок, что струится под Муллер-домом и питает его... Теперь об этом может узнать каждый! Ко-ко-ко-ко... Звали недруга Галио, старик был продавцом звезд.

Его сын, который сейчас занимает три этажа в третьей зоне, — жалкое ничтожество по сравнению со своим отцом. С милостивого позволения Муллера он продает ничего не стоящие, бросовые звезды — либо слишком горячие, либо покрытые вечными льдами, либо кометы, которые раз промелькнут и больше никогда не вернуться, — кого они могут интересовать?! Никудышный товар... Пи-пи-пи-пи-пи... Да, вот старый Галио — это был гений! Ме-е-е! На одном из островков в Полинезии он построил обсерваторию и творил чудеса с единственной крупинкой солиума. Туземцы провозгласили его царем, и он объединил под своим владычеством десяток островов. В то время Великий Муллер как раз плавал по морям, скупая остатки мира. Он пришел к старому Галио в обсерваторию, которая одновременно служила ему королевской резиденцией. Когда Муллер спросил, чего он желает за свои островки, эта старая, хитрая лиса скромно ответила: «Ночной небосвод!»

Даже песчинки золота не попросил! Ме-е-е! Добряк Муллер решил, что это прихоть старого чудака, до беспамятства влюбленного в свои небесные миры. Ему казалось, он получает острова даром. Ведь звезды не принадлежат никому, даже Муллеру, но, раз уж старику нейметя, почему бы не продать? Раз уж ему охота остаться в дураках, пусть остается! Они подписали договор: Муллер стал владельцем десяти Полинезийских островков, Галио — властелином звезд. У одного была синица в руке, у другого — журавль в небе... Мяу! Не один — мириады журавлей слетались к нему звездными ночами, всегда одна и та же стая...

Правда, тогда Муллер еще не знал, что построит из солиума космические корабли, которые будут бороздить Вселенную. Он давным-давно забыл о том договоре... Первая ласточка вылетела из гнезда и вернулась через пять месяцев с баснословными сокровищами девяти звезд! Был создан концерн звездных перевозок «Вселенная», а тем самым открыт неисчерпаемый источник невиданного обогащения. Тут-то и появился старик Галио со своим договором! Оказалось, что все обнаруженные «Вселенной» звезды изначально принадлежат Галио, так как договор был подписан самим Муллером! Вот когда только понял наш Господь, какую цену заплатил за десяток островков... Галио фактически стал владельцем всех звезд, а Муллер — лишь той единственной планеты, на которой он жил. Лили-лилили-ме-е-е! Сказочные сокровища, диковинные плоды, новые металлы, драгоценные камни — все это, согласно проклятому договору, принадлежало старику Галио! Пи-пи-пи-пи...

И нашему Великому Благодетелю волей-неволей пришлось выкупать у Галио одну за другой покоренные звезды... Он просто не мог допустить, чтобы вновь открытыми звездами владел кто-то другой, чтобы кто-то другой, а не Он давал им имена, и точно так же не мог нарушить договор, который скрепил собственной подписью. А пока все шло своим порядком: открывались новые и новые звезды, Галио их продавал, а Муллер покупал. Но запасы у Галио были неисчерпаемые. Ме-е-е! Муллер платил и платил. Дошло до того, что всемогущий владыка принужден был начать распродажу своего мира — кусок за куском, только бы утолить свой звездный голод... Самое же странное было вот что: старый Галио наотрез отказывался брать в уплату сокровища, добытые в иных мирах, сколь бы ценными и редкими они ни были. Он признавал и принимал лишь то, что родилось в недрах нашей старушки планеты... И как вы думаете, что он делал со своим добром? Он стал раздавать золото Муллера оборванцам. Города, острова, шахты, промышленные предприятия, которые Муллеру пришлось остановить, он отдал рабочим и голытьбе... Его называли Освободителем!

О, это был тонко продуманный план уничтожения Огисфера Муллера! Ведь посрамленный и полунищий владыка мира собирался уже покинуть эту планету и перебраться на одну из своих звезд...

Вот в это самое время — пи-пи-пи-пи-пи-пи! — в последнюю минуту, когда Муллер находился буквально на краю гибели (речь уже шла о продаже Муллер-дома, который Галио хотел ни много ни мало как взорвать!!!), в это самое время я стал лечить старика

Галио от ревматизма. Ко-ко-ко-ко! Однажды вечером, как сейчас помню, боль в суставах отпустила, и он был в бодром настроении. Я возьми да и спроси его, сколько он продал Муллеру звезд и сколько их у него осталось.

«Столько же, сколько было вначале, — загадочно улыбнулся Галио. — Если бы я продавал каждый день по миллиону звезд, то, даже проживи Муллер миллион лет, он бы только-только выкупил одну миллионную их часть».

Ме— е-е!... И в ту же ночь, когда старик Галио заснул, я впрыснул ему три капли сыворотки КАВАЙ. Пи-пи-пи! Утром, едва проснувшись, Галио закричал: «Карандаш и бумагу! Ну-ка, сколько же у меня денег?» Он вывел цифру девять и стал приписывать к ней нули. За первый день он исписал нулями десять листов. С тех пор мозг его стал машиной по производству нулей. Все его мысли свелись к нулю... Мяу!

После этого я легко завладел проклятым договором и отдал его Огису Муллеру. Сейчас Галио находится в камере для умалишенных номер девятьсот семьдесят, извергает нули. Да и сам стал огромным нулем! Так я спас Господа Муллера! А ему по сей день приходится возмещать причиненный ущерб, собирать воедино все то, что Галио растранижил. Меня Муллер хотел сделать императором Брэдьерры! Ме-е-е! Я отказался. Тогда он предложил мне на выбор любую из держав и любую должность — кем захочу, тем и буду: королем, военачальником, дипломатом. Я ответил, что мне ничего не нужно, лишь бы жить до конца дней моих в Муллер-доме, рядом с Ним, и греться в лучах Его милости. Ли-ли-ли-ли!

В конце концов он таки всучил мне пятьдесят тысяч звезд и провозгласил меня властелином этих миров. Надо бы там побывать — ко-ко-ко, познакомиться с подданными и хоть на одной из звезд возложить на себя царский венец. На всех-то, ясное дело, не выйдет... Ведь если даже тратить на коронацию по одному только дню, и то, чтобы взойти на престол в каждом из своих королевств, мне пришлось бы прожить как минимум сто тридцать семь лет!... Ме-е-е! Вдобавок Муллер не хочет меня отпускать, просит в случае чего быть под рукой...

XI.

Любопытство Петра Брока, и к чему оно привело. — Нос отравителем. — Схватка в трактире. — Больше всех бесновался безрукий Гарпона

Горбун замолчал, а его глазки с любопытством оглядели сидящих за столом. Носатый, уткнувшись в свой красный платок, протрубил протяжную мелодию весеннего насморка. Голова слепца была недвижна, словно изваянная из мрамора. Но стеклышки на висках весело поблескивали, будто хохоча. Так по крайней мере казалось Петру Броку. Безрукий убийца, похоже, вовсе не слушал горбуна. С ловкостью обезьяны он безостановочно выделывал ногами какие-то пируэты: сперва перебирал ими под столом, потом вскинул вверх, левой выхватил нож и сноровисто, так, что тот завертелся волчком, подбросил его к потолку. Пока нож падал, он успел опорожнить стакан. Поймав правой ступней нож, он вытащил из жилетного кармана табакерку, насыпал на щиколотку зеленоватого порошку, втянул его носом и оглушительно чихнул, разбудив старика Шварца, который меж тем задремал.

И в этот миг, когда все в замешательстве умолкли, заговорил Петр Брок. Разумеется, не затем, чтобы себя раскрыть. Просто хотел шепнуть на ухо горбуну вопрос, который не давал ему, Броку, покоя, причем так, чтобы горбун решил, будто обращается к нему кто-то из присутствующих. Вот когда Брок с досадой ощутил и отрицательные стороны своей незримости: он одинок, не может втереться к ним в доверие, принужден выслушивать долгие, никчемные споры... Сначала он хотел задать свой вопрос в полный голос, но все остальные сидели наострив уши, точно сторожевые псы. Поэтому он приблизил губы к

уху горбуна и спросил без всякого выражения, тихо, как бы невзначай:

— А каков он из себя, этот божественный Огисфер Муллер?

Горбун вздрогнул, вытаращил глаза, разинул рот — на лице его отразилось крайнее изумление. Броку даже почудилось, будто на миг лицо растянулось от стены до стены. Но это, конечно, был обман зрения. Бледная вытянутая физиономия горбуна торчала между плечами, как клин из бревна. Горбун поднялся и сразу же стал меньше на целую голову, так как ножки стула были длиннее его ног.

— Кто из вас задал этот вопрос? — яростно гаркнул он. — Кто — я спрашиваю!

Все удивленно уставились на него. Ведь с тех пор, как он замолчал, никто не проронил ни слова!

— Я слышал голос. Могу поклясться! Клянусь самым Муллером, — горбун поднял правую руку к круглому окну, — клянусь, я не лгу! Тут кто-то есть!

— Может быть, лично Великий Муллер соблаговолил... -почтительно заметил отравитель, с ужасом глядя на потолок.

— Нет! Нет! Кто-то спрашивал о самом Муллере!

— Кто?

— Голос! В ухо мне прошептал!

— Не голос ли это КАВАЯ, воспалившего твой мозг? Может, и ты подхватил бациллу сумасшествия...

— Вы сами тут все с ума посходили! Клянусь! Бьюсь об заклад на все пятьдесят тысяч моих звезд!

Старикашка Шварц сочувственно покрутил пальцем возле виска и принялся толковать о том, что вот ведь он сам страдает от маразма, хотя, казалось бы, обращается со своим газом уж так осторожно, что дальше ехать некуда.

Между тем Петр Брок спокойно расположился на том стуле, где раньше сидел вербовщик. Он чувствовал, что эти уроды целиком и полностью в его власти, что он может сделать с ними все, что заблагорассудится. Брок думал о революции на рабочих этажах, о Витеке из Витковиц, о том, что замыслили против него собравшиеся здесь негодяи, и прикидывал, как бы их половчее убрать и при этом не замарать кровью свои невидимые руки... Прямо перед ним торчал набухший багровый нос продавца ядов. Этот мерзкий нарост с самого начала раздражал Брока, вызывая чуть ли не болезненную гадливость. И теперь Петр не сдержался, схватил стакан и со всей силы запустил им в эту пакость. Брызнула кровь, продавец ядов пошатнулся, остальные в ужасе повскакали с мест, хватаясь за свои носы.

Но паника длилась лишь несколько мгновений. Бандиты быстро опомнились и заняли круговую оборону. В руках у всех, откуда ни возмись, появились револьверы. Черные, выпученные глазки дул заматались по комнате. Тотчас же началась бешеная пальба. Гремели выстрелы, свистели пули, сыпались стекла, пыль стояла столбом.

Больше всех бесновался безрукий Гарпона. Он распластался на столе и, отталкиваясь одной ногой, кружился на спине, а другой ногой тыкал во все стороны ножом, напоминая скорее гарпию, чем человека.

ХII.

Предательские стекляшки на висках слепого. — Петр Брок в западне. — Побег. — Лифт — и опять сон

Внезапно Петра Брока охватила дрожь. Толстые линзы на висках слепого неожиданно уставились на него! Неподвижное гипсовое лицо с зашитыми веками бесстрастно, как сфинкс. Но линзы смотрят прямо в лицо Брока. И в них словно бы горит...

Что это — игра воображения? Или его увидели? Но разве слепой может его увидеть?

Брок встал. И тут же стекляшки дернулись вверх, за ним. Слепой поднес руку к виску и начал вращать колесико, вроде того, каким фокусируют резкость микроскопа. Эти линзы как бы ловят каждое движение Брока.

Безмерный ужас пронизал Брока ледящим холодом. Ноги стали ватными. Он снова сел, пригнувшись к самой поверхности стола и с отчаянием глядя вверх, на два черных огонька в линзах. И в этот миг каменное лицо скривилось в уродливой гримасе, слепой поднял руку, и указательный палец, как ствол револьвера, нацелился Броку между глаз.

— Вот он! Перекройте выходы! И не стреляйте! Надо взять его живым!

Безрукий Гарпона прыгнул к одной двери, Перкер стал у второй. А слепой Орсаг следил за каждым движением Брока. Он приближался очень медленно, по спирали, точно зверь, готовый к прыжку.

Брок был в ловушке. Но он должен вырваться, иначе он погиб! Одну дверь сторожит окровавленный нос, вторую — Гарпона. Стоит на одной ноге, а другой пытается запереть замок. Брок метнулся туда! Орсаг с криком устремился наперерез. Но Брок свалил его ударом в живот, сбил с ног Гарпону, распахнул дверь и, выскочив наружу, мгновенно ее захлопнул. В следующий миг он уже мчался по темной улочке, сам не зная куда...

Господи, сколько же здесь всяческих лестниц и лесенок, то вверх, то вниз, сколько коридоров, то просторных и высоких, то тесных и низких. Сколько комнат он оставил позади, сколько огромных залов, темных дыр и крохотных каморок, предназначенных бог знает для чего, встретилось ему на пути! В какое-то мгновение он очутился на галерее, опоясывающей пустой пыльный зал. Потом пробежал по крытому мостику, висящему над бездной вентиляционной шахты. А за спиной — топот, как барабанная дробь, все громче, все быстрее. И снова улочки, лестницы, снова аркады, переходы, залы...

Неожиданно Брок вбежал в гладкую, блестящую трубу. Это сточный канал. Нет, орудийное жерло. Нет! Это телескоп, ведь труба становится все уже и уже... Вот он карабкается на четвереньках, а теперь ползет, как гусеница. Все, дальше не пройти, это конец... Брок уткнулся в металлическую решетку и в отчаянии потрянул ее.

О чудо! Маленькое ржавое ситечко легко подалось. Брок протиснулся в отверстие и закрыл за собой решетку. И в ту же секунду пол под ногами пошел вниз. Он успел еще заметить за решеткой разбитый нос. Уф-ф, пронесло...

Но пока лифт неудержимо падал в бездну, Броку опять стало не по себе. Голову словно стиснули чудовищные клещи, он начал терять сознание. И опять ему привиделся тот же кошмарный сон. Нечеловеческим усилием он отгонял ночные призраки — только бы они не завладели им, только бы не провалиться опять в вонючее подземелье, к жутким серым балахонам.

Брок страшился этих снов. В них он как бы утрачивал чудесное свойство и опять ощущал свое тело со всеми его ранами и болью. Он боялся умереть в одном из таких снов, прежде чем выполнит свою миссию где-то там, высоко-высоко, на одном из тысячи этажей Муллер-дома.